

Дмитрий Ковальски

БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Ковальски, Дмитрий.

К56 Безмолвные лица / Дмитрий Ковальски. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Музей ночных кошмаров. Мистические детективы Дмитрия Ковальски).

ISBN 978-5-04-208871-1

В конце XIX века, в небольшом скандинавском городке Гримсвик начинают происходить странные, ужасающие события: пропадают дети, а по ночам жителей мучают необъяснимые жуткие звуки. Все уверены в том, что над городом повисло страшное проклятие. Никто не может найти виновного, и горожане постепенно теряют надежду.

Одним вечером из приюта пытаются похитить еще одного ребенка, Эрика. Мальчик видел похитителя — это был неопрятный страшный мужчина со шрамом на груди.

Вскоре на окраине города обнаруживают странного незнакомца, который не помнит ни своего имени, ни того, как оказался здесь. Эрик дает показания против него: это тот самый бродяга с диким взглядом, пыгавшийся его украсть. С подозреваемого снимают рубашку: на груди — зарубцевавшийся шрам... Мужчина тут же становится главным подозреваемым...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колодкин Д.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-208871-1

ПРОЛОГ

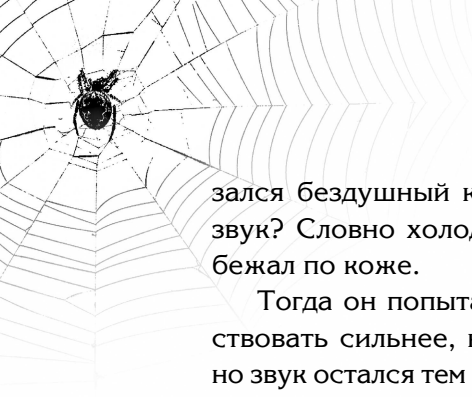
Легкий, чуть влажный ветерок лениво трепал волосы на голове. Он стоял на террасе и впитывал ароматы позднего летнего вечера. Воздух был густо заполнен запахами трав, цветов и голубых елей, что росли в изобилии.

В руках был старый потертый футляр с флейтой внутри.

В эти выходные ему несказанно повезло. В лавке с музыкальными инструментами он обнаружил уникальный экземпляр, за которым охотился долгое время. Флейта семьи Форсберг, что сгинула в пожаре сорок лет назад! Ходили слухи, что единственными выжившими в том бедствии оказались стены замка и флейта в чуть обгоревшем по краям футляре.

Человек вытащил флейту и приложил к губам. Ему не терпелось услышать мелодию из прошлого. Пальцы сами встали в пазы, точно он проделывал так сотни раз. А из головы уже рвался мотив, как будто ждал подходящего часа. Он подул и закрыл глаза в предвкушении чудесного звука.

Но вместо этого из трубки вырвался сухой сиплый стон, будто вместо флейты в руках ока-

зался бездушный кусок слоновой кости. А сам звук? Словно холодный шепот мурашками пробежал по коже.

Тогда он попытался снова. Попробовал действовать сильнее, надеясь продуть инструмент, но звук остался тем же. Бессильным и пустым, как сдавленное эхо из далекого прошлого.

Разочарованно убрав флейту обратно в футляр, он ощутил нечто странное. Словно ветер внезапно изменил направление, налетев резким порывом и вздыбив его волосы. Тени вокруг дома будто наполнились красками, стали гуще, живее. Сославшись на усталость, что скопилась к вечеру, он вернулся в дом. Музыкальный инструмент, что представлял собой пользу исключительно в коллекционных целях, теперь покоился на полке среди прочих любопытных редкостей.

И, казалось, о нем стоит забыть. Но лежа в кровати, он уже не мог избавиться от беспокойства, возникшего после хриплого звучания. Станный, едва ощутимый звук никуда не делся. И теперь, в тишине, легко различался с другими звуками ночи. Звук жил в шорохе по стеклу, в едва ощутимой вибрации, что шла по полу. И мысли, которые раньше и возникнуть не могли, теперь роем кипели в его голове.

Он закрыл глаза и попытался уснуть. Даже так, сквозь сомкнутые веки, можно было различить, как тени по углам комнаты сгущаются, а их плотная чернота двигается, словно следует какому-то ритму.

Неожиданно прямо над ним послышался треск и шуршание. Он постарался представить причину этого звука, но фантазия рисовала скрюченные

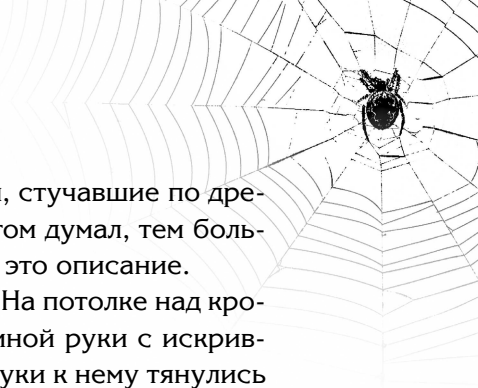
БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

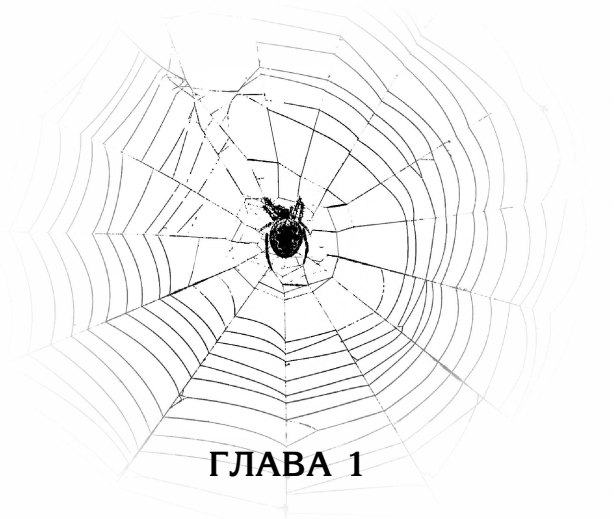
пальцы и затвердевшие ногти, стучавшие по древесине. Чем сильнее он об этом думал, тем больше шум сверху подходил под это описание.

В испуге он открыл глаза. На потолке над кроватью проступила тень огромной руки с искривленными пальцами. От этой руки к нему тянулись длинные нити, будто невидимый кукловод собирался дергать и подчинять его своей воле.

— Ты... — прошептал ветер, и портьеры колыхнулись, — твой долг так и не уплачен...

Он вскочил, сердце колотилось в груди. Но ничего не было видно. Лишь тень ветви дерева, проступавшая через окно, которая, раскинув ветки, создала иллюзию огромной ссохшейся руки.

ГЛАВА 1

1

Маленький Эрик не сводил глаз с темного коридора. Его кровать стояла с краю, изголовьем у каменной стены. Второй стороной она была направлена в сторону дверного проема. Саму же дверь сняли, чтобы всегда знать, что происходит в комнате мальчишек, и не давать тем возможности оставаться наедине и учинять беспорядки. Эрик вглядывался в черную пустоту длинного коридора. На его стенах горели несколько свечей в железных подсвечниках, но этого света явно было недостаточно. Слабый огонек никак не мог справиться с темнотой, оставляя ее в угоду оживших кошмаров.

Детский мозг рисовал жуткие образы непонятных существ, обитающих в тени.

Эрик уже привык к этому. Так случалось каждый раз, когда он не мог уснуть. Ему чудились чье-то присутствие, шорохи, шаги, а порой он явно ощущал тяжелое дыхание рядом с собой. Хорошо, он знал способ, как прогнать дурные мысли — подумать о родителях! Правда, их самих он никогда не видел, но большой тоски по этому

БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

поводу не чувствовал. Поэтому не понимал, чего лишился, и не знал той пустоты внутри, которую испытывают остальные дети, в чьей жизни родители были, пусть и недолго.

Эрик же находился в Доме Матери, сколько себя помнил. И часто задумывался, кому больше повезло.

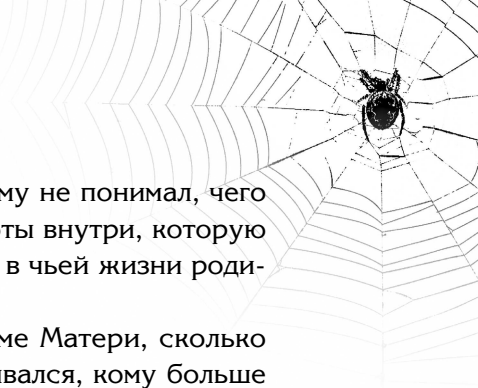
«Дом Матери» — всего лишь название для сиротского приюта. В нем не было ни матери, ни домашнего уюта.

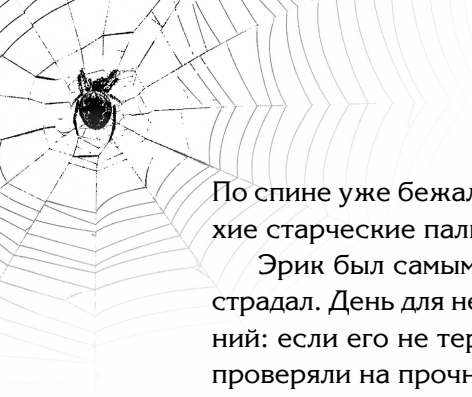
Каменная пристройка к церкви стояла на вершине холма в окружении темно-зеленых елей на самом краю Гримсвика. Из окон Эрик мог наблюдать за людьми, проводящими торговые ярмарки на центральной площади, за теми, кто идет на воскресную службу, или за праздными зеваками, снующими туда-сюда. Весь город как на ладони!

Теперь же окна закрыли ставнями, а дневной свет заменили масляные лампы. Выходить за территорию приюта строго запрещалось. Причину никто сообщать не спешил.

Старшие дети пугали младших жуткими байками о старухе, что заводит нерадивых путников на болота и крадет детей, чтобы сварить из них бульон. Конечно, в такие истории Эрик не верил, ну, или пытался себя убедить в этом. Ведь не просто так мэр ввел комендантский час и запретил после захода солнца выходить на улицу группой меньше трех человек.

«Старуха голодна, как никогда, в эту ночь, она точно придет за тобой!» — в голове все крутилась эта фраза. Эрик лег в кровать и попытался уснуть. Но слова про старуху все продолжали слышаться.

По спине уже бежали мурашки и казалось, что сухие старческие пальцы щекочут пятки.

Эрик был самым младшим и вечно из-за этого страдал. День для него походил на череду испытаний: если его не терзали строгие воспитатели, то проверяли на прочность другие дети. Но все равно это лучше, чем оставаться одному в темноте, в которой наверняка прячется монстр.

Он снова попытался представить образы своих родителей. Как они выглядят, если у них получился такой, как Эрик? У отца должны быть такие же пепельно-русые волосы. А карие, с темно-оранжевым ореолом на дужке глаза наверняка от матери. Все остальные детали обычно скрывал туман неизвестности. За исключением редких случаев, когда, соскальзывая в сон, Эрик видел родителей словно наяву.

— Спокойной ночи вам, — прошептал он и перевернулся на другой бок, стараясь не смотреть в сторону жуткого коридора.

Поздняя осень принесла с собой суровые морозы. Высокий потолок местами прохудился и покрылся тонким слоем инея. В некоторых местах иней собирался в сосульки, с которых тонкой струйкой сочилась вода. В ночной тиши звук разбивающейся о каменный пол капли со временем становился невыносимым. Он нагло проникал в детские грезы и мешал нормальному сну.

Тот самый момент спасительной дремоты был упущен. Эрик лег на спину, несколько раз моргнул и понял, что если вода продолжит капать, то он уже не уснет. Холод и страх его ждали, стоило выбраться из-под одеяла. Но лучше так, чем тер-

БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

петь этот ужасный раздражающий звук, от которого можно сойти с ума.

Наконец он не выдержал.

— Черт бы тебя побрал! — Эрик поднялся с кровати.

Босые ноги коснулись холодного каменного пола. Стопами он чувствовал морозный сквозняк, свободно разгуливающий по полу.

— Ты куда? — шепнул с соседней кровати Харальд, всего на год старше Эрика. Они не особо дружили, но их объединяли совместные укрытия от гнева старших.

— Как бы я хотел избавиться от этого звука! — нервно пояснил Эрик.

Где-то в мрачном холле эхом разлетался звук капающей воды.

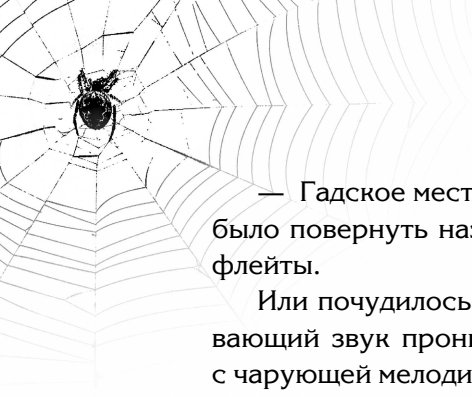
— Черт, я теперь его тоже слышу, — подтвердил Харальд. — Кинь туда какую-нибудь тряпку. — И он со стоном перевернулся на другой бок.

— Сам знаю!

Эрик вышел из спальни.

Стены в коридоре освещались еле горевшими, воткнутыми в серый камень стен парой свечек. Приют содержался на скудные пожертвования жителей города. И те с не особым желанием расставались со своими кровными. Не раз поднимался на совете вопрос о закрытии приюта, но девять беспризорников мэру Гримсвика были не нужны. Поэтому он выбрал жесткую экономию вместо прекращения деятельности Дома Матери.

Эрик остановился в кругу света и прислушался, чтобы понять, откуда течет вода. Казалось, что звук капель эхом отдается со всех сторон.

— Гадское место! — выругался Эрик и решил было повернуть назад, как вдруг услышал звуки флейты.

Или почудилось? Тонкий, нежный, обволакивающий звук проникал в самое сердце. Вместе с чарующей мелодией по телу растекалось тепло. Звук словно обещал лучшую жизнь. Даже серые камни вокруг стали ярче, а холодный пол походил на мягкую летнюю траву, украшенную капельками росы. А еще Эрик увидел... маму! Да так отчетливо, как будто всегда ее знал. И да, он был прав, цветом глаз он точно пошел в нее. Мама возникла в дальнем конце темного коридора, но это не мешало ощущать ее присутствие на расстоянии вытянутой руки. Внезапно она сделала знак, приглашающий следовать за ней.

Эрик не чувствовал угрозы. Все самое плохое осталось позади: приют, воспитатели и дети, издевавшиеся над ним. Впереди его ждала семья. Небывалая роскошь для обитателей этого места.

Он сделал шаг навстречу.

Еще шаг.

Сам того не понимая, Эрик оказался на улице. Морозный воздух колот лицо, босые стопы шли по сухой замерзшей траве, ветер с кристалликами льда свободно залетал под рубаху. Тело пронзала дрожь, но Эрик этого не замечал. Его взгляд был прикован к призрачному силуэту вдаль, его чувства ограничивались звуком флейты. Казалось, эта мелодия не создана одним инструментом, а наиграна целым оркестром! Отчего воспринималась во сто крат ярче.

«Мама» поманила его рукой и замерла у самых ворот. Она стояла, протягивая руки ладонями

БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

кверху, приглашая в новую жизнь. Эрик не сомневался, что, дойдя до мамы, он тут же обретет путь в лучший мир.

До нее оставалось не больше пяти шагов, когда Эрика кто-то окликнул:

— Эй, Эрик!

Нет, показалось.

— Поторопись, мой мальчик, — протянула еле видная в слабом отблеске фонаря «мама».

— Иду, иду к тебе, — прошептал мальчик.

— Ты куда собрался, паршивец? — снова резко окликнул его до противности знакомый голос.

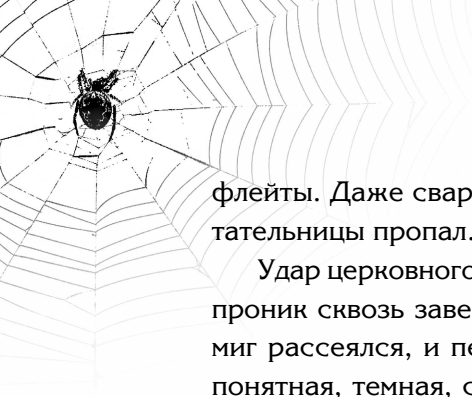
Не обращая внимания на эти бранные звуки, Эрик продолжал идти вперед. С каждым его шагом улыбка на лице «мамы» становилась все шире.

— А ну, стой! Стой, паршивец! — снова закричал обладатель противного голоса. Но теперь он звучал глуше: похоже, что кричащий даже не покинул здания. Так что мальчику никто не мог помешать продолжать достигать своей цели. Ура! Мама уже близко! Он уже смог дотянуться до ее ладони. Холодная. Ну и что? Эрик согреет ее своим теплом.

«Мамины» пальцы с силой сжали кисть Эрика. Если б не мелодия флейты, которая в тот момент стала громче, Эрик бы закричал от боли.

— Подойди ближе, мой мальчик, — прошептала «мама». Ореол света вокруг нее потемнел. Глаза впали, оставив вместо себя два серых пятна. Улыбка стала еще шире, она начиналась у одного уха и заканчивалась у другого.

Мир вокруг потерял цвета. Все слилось в темно-серый фон. Были только Эрик, мама и мелодия

флейты. Даже сварливый голос безумной воспитательницы пропал.

Удар церковного колокола, отбивший полночь, проник сквозь завесу мелодии. Образ матери на миг рассеялся, и перед мальчиком возникла непонятная, темная, совсем не мамина фигура. Но колокол затих. Мелодия вернулась, вернулась и «мама».

«Не важно куда, — отбросил все сомнения Эрик, — главное, что вместе с мамой». Он чувствовал себя немного заторможенно.

— Все правильно, мальчик мой. — Женщина говорила, а голос шел будто сам по себе. А на лице не сходила эта огромная и странная улыбка. Неужели так можно было растянуть рот? Вопросы возникали, но отскакивали от Эрика, словно мячики от стены. Мальчик как в полусне замечал, что кожа мамы посерела, а волосы все больше подходили на паклю.

Но все же это была его мама!

— Иди же, мальчик! Осталось сделать один шаг! И ты мой.

Эрик был готов его сделать, этот шаг, но вдруг вдалеке увидел жуткого мужчину. На худом измученном лице синим пламенем горели глаза. Он развел руки в стороны так, что кисти рук пронзил тремор. На голой груди виднелся ужасный шрам, словно в этом месте затушили факел.

Такого даже детский испуганный разум не мог выдумать. Настоящий оживший ужас, обитающий в лесу.

БЕЗМОЛВНЫЕ ЛИЦА

— Нет! — вдруг выдавил из себя Эрик.

— Ты не можешь сказать мне «нет», — возразила «мама». Теперь Эрик видел, как она изменилась. Ничего не осталось от прежнего образа.

— Нет, — повторил он испуганно и сделал шаг назад.

Тут же раздался крик, сквозь который больно резала слух флейта. Жесткие руки схватили Эрика за плечи и дернули на себя.

2

Ведро ледяной воды быстро привело мужчину в чувство. Он вскочил и тут же получил пощечину.

— Вставай! — приказал полицейский, единственный служитель порядка на весь Гримсвик. Поэтому он сам для себя определял меру отношения к преступникам.

Мужчина поднялся. Его запястья горели из-за тесных кандалов. Хуже всего, что он не мог вспомнить причину, по которой его задержали.

— Послушайте... — начал было мужчина, но его перебили очередной пощечиной от полицейского.

— Заткнись и тащи свой зад на совет.

Гримсвик был небольшим городом на севере Норвегии. Численность жителей доходила до двух тысяч, о чем всем с гордостью сообщалось. Еще недавно люди боялись жить в Гримсвике, веря, что холера, выкосившая большую часть населения в 1850-х, вернется спустя сорок лет. Но благодаря хорошему жалованью на лесопилках, где